

Рольф Торштендаль¹

ГЛОБАЛЬНАЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Основной вопрос нашей конференции звучит так: существует ли уже глобальная культура, и при каких обстоятельствах можно говорить о глобализации культуры?

¹ Член Европейской, Шведской и Норвежской академий. Профессор Уппсальского университета (Швеция), историк. Автор книг: «Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века», «Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период», «Bureaucratization in Northwestern Europe», «Assessment of twentieth-century historiography. Professionalism, methodologies, writings», статей по проблемам истории, опубликованных в российских научных изданиях. Иностраннный член Уральского отделения РАН. Почетный доктор Российского государственного гуманитарного университета.

Как мне представляется, в отдельных областях, несомненно, уже существует глобальная культура. Эти области связаны с огромной сферой, которую можно назвать экономической культурой и которая включает гораздо более важные вопросы, чем уровень зарплаты, покупка и продажа товаров и услуг, получение займов и предоставление ссуд. Экономическая культура в широком смысле в немалой степени охватывает и требования ко всем видам транзакций в торговле и банковской сфере, а также к организации долевого заинтересованности (с экономическими последствиями) между наемными работниками и их нанимателями, к компаниям-производителям и компаниям-поставщикам и т. д. Требования важные,

и они должны опираться на поддержку властей. Таким образом, международные организации, такие как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд, стремятся принудить государства к соблюдению единых требований, и того же следует ожидать от самих государств в отношении организаций (компаний, профсоюзов или союзов предпринимателей), а также в отношении отдельных субъектов экономики.

Когда обществоведы и журналисты обнаружили эту последовательность требований в рамках единой мировой системы правил, они провозгласили эру «глобальной культуры». Трудно игнорировать эти требования или демонстрировать неподчинение им. Международная система имеет в своем распоряжении три типа санкций, которые могут быть наложены на государства, не желающие соблюдать требования: ограничение торговой деятельности (включая дополнительные таможенные пошлины), финансовые ограничения и силовое вмешательство (в виде угрозы военных действий или реального применения оружия). Поскольку для всех стран важна непрерывная торговля, а также кредиты и платежи для ее поддержки, торговые ограничения являются действенными. Наказание с применением оружия, даже в виде одной лишь угрозы, — устрашающая перспектива для тех, кто не исполняет своих обязательств. В большинстве случаев преимущества международной торговли столь велики, что страны считают выгодным для себя выполнять правила. В противном случае санкции оказываются достаточно действенными, чтобы заставить государства признать основополагающие требования глобальной культуры, даже если не все они являются членами международных организаций — гарантов этой системы. Так, поддержка системы единых экономических требований значительно расширилась после Второй мировой войны, хотя так и не стала всеобщей.

Джордж Сорос эти выводы подверг критике в своей статье, опубликованной недавно на разных языках. Сорос считает, что данная система требований и санкций неэффективна и не поддерживает глобальную экономическую культуру. В этом, по его рассуждениям, и состоит причина финансового кризиса, который мы до сих пор еще не преодолели, а также угроза нового.

Таким образом, в экономической сфере существует глобальная система требований, и почти все государства признают и соблюдают их, хотя порой только на словах. Возможно, отдельные страны и предпочли бы нечто иное, но реформировать эту систему крайне сложно. Поэтому данная система в той или иной степени навязана государствам, а через государства — также и гражданам.

Очень трудно выделить какую-либо иную область, где существует глобальное международное согласие. Основная причина кроется в том, что в большинстве других сфер нет международных организаций, которые могли бы обеспечить полудобровольное исполнение общих требований. Если рассматривать, к примеру, проблемы окружающей среды, которые совсем недавно стали объектом международной дискуссии на конференции ООН в Копенгагене, то здесь нет

никаких санкций за какие-либо нарушения. Дело обстоит именно так, несмотря на то что многие участники подчеркивали, что окружающая среда напрямую связана с экономикой. Они попытались доказать, что вопросы окружающей среды связаны с установленной системой требований в экономической сфере, но пока безрезультатно.

На конференции в Копенгагене выяснилось, что существуют по меньшей мере три «региональные культуры», поддерживаемые государственными лидерами: 1) США, Китай, Индия и Бразилия, которые хотят принимать собственные государственные решения по поводу того, что целесообразно с их точки зрения, но не желают связывать себя международными соглашениями; 2) страны ЕС (и сочувствующие им из других частей света), которые добиваются принятия четких требований, зафиксированных в международном договоре (такой договор должен налагать ограничения на все страны, развитые и развивающиеся, с целью защиты окружающей среды); 3) развивающиеся страны, которые не являются крупными международными державами и выступают за международный договор, который бы ввел ограничения для развитых стран, а также принудил бы их к оплате мер по улучшению окружающей среды, в том числе и в развивающихся странах. Стало очевидно, что пока не предвидится скорейшего консенсуса по проблемам окружающей среды. Столь же очевидно и то, что в данной сфере крайне сложно будет установить систему требований и правила их соблюдения.

Если мы обратимся к анализу других сфер культуры, то обнаружим, что они в целом еще более далеки от глобального согласия, чем природоохранная сфера. Это касается культуры здравоохранения, средств информации, политической, литературной, музыкальной, образовательной культуры и т. д. Полагаю, нет необходимости приводить примеры наблюдаемых в мире различий в этих сферах культуры. Даже часто провозглашаемое единство специфической «молодежной культуры» (в музыке, одежде/моде), социализирующейся в немалой мере посредством интернет-сайтов, Facebook, YouTube и так далее, — это еще больший миф, чем всеобщая культура, поскольку есть значительные группы молодежи, которые не желают быть частью этой культуры. Молодежная культура — это главным образом вид музыкальной культуры, та ее часть, которая нравится преимущественно молодежи и рекламируется на рынке посредством всех видов СМИ, что и заставляет ее выглядеть более единообразной и универсальной, чем она есть на самом деле.

Образ жизни может стать еще одной сферой общей глобальной культуры. Нет сомнений в наличии новых элементов, которые трансформировали сложившиеся привычки и способы общения: это, например, Интернет и мобильная связь. Сейчас общаться гораздо легче, чем это было когда-то, однако и ранее такое общение не было недоступным. Интернет-кафе и появление новейших моделей мобильных телефонов представляют собой поразительные феномены мирового масштаба, но они слишком зависимы от технологий, которым свойственно меняться. Самое важное, однако, заключается в том,

что для формирования культуры менее важны средства коммуникации, чем ее содержание. А содержание коммуникации через Интернет или по мобильным линиям не единообразно и используется как для углубления различий, так и для их сглаживания.

В отношении глобализации жизненного стиля и привычек «идентичность» является крайне сдерживающим элементом. Не вдаваясь в изменяющееся значение этого понятия, я хочу подчеркнуть его важность. И в развитых, и в развивающихся странах люди как сознательно, так и бессознательно ограничивают себя в готовности принять образ жизни, который они считают иноземным. Заимствованные привычки и образ жизни, которые не конфликтуют со старыми традициями и не подменяют их, усваиваются легко, но как только родной обычай вступает в противоречие с привнесенной инновацией, многие люди (не все) принимают сторону исконной традиции.

Если это верно, — а я уверен, что это так, — в чем же причина непрекращающегося разговора о глобализации?

История помогает легко выделить один важный фактор — перспективу. Многим хочется думать, что идеи, преобладающие в своей стране и/или регионе мира, вскоре распространятся и овладеют умами большого числа людей. Даже тех, кто изначально так не считает, можно убедить поверить в нечто подобное посредством внутренней государственной пропаганды или средств массовой информации соответствующей эпохи.

Начиная с эпохи императора Августа, то есть примерно с начала нашей эры, до V столетия, *древние римляне* (или большинство из них) верили в то, что со временем римская культура овладеет «всем миром», не говоря уже о том, что этот «весь мир» был ограничен у них перспективой Средиземноморья. И хотя римляне знали о врагах на границах, они верили, что эти враги один за другим будут уничтожены римской армией.

В *Древнем Китае* видение мира сформировалось значительно раньше, приблизительно за 1 тыс. лет до н. э., и оставалось доминирующим в Китае на протяжении долгого времени, вплоть до эпохи европейского Средневековья, если не дольше. В китайской перспективе, как и в римской, в центре размещался свой народ и государство. Краины мира были населены варварами, с которыми регулярно боролось китайское войско и которых приучали принимать китайскую перспективу, усваивая при этом и китайскую культуру.

Подобно предшествовавшим *Маурьям*, которые правили большей частью индийского субконтинента в III веке до н. э., *Великие Моголы в Индии* в течение периода своего владычества (в XVI и XVII столетиях н. э.) рассматривали мир из перспективы южных склонов Гималаев, где в различных областях прочно утвердилась их культура и правила их воззрения на правое и неправое, на войну и мир. За пределами этого пространства жили народы, которые жаждали индийской культуры и страстно впитывали те крупницы индийской мудрости, которые распространялись миссионерами.

В XVI–XVII веках и позже *европейские созидатели империй* точно так же, по крайней мере до Первой мировой войны, рассматривали свою культуру как неопровержимую.

Американская мечта об американизированном мире возникла позднее, после Второй мировой войны, но корни ее уходят в межвоенные годы, а сама она лишь недавно показала свою несостоятельность.

Советская идея (мечта о том, чтобы Коминтерн стал международным органом) коммунистического мира с центром в Москве начала претворяться в жизнь сразу после Октября 1917 года, но после смерти Сталина она в значительной мере утратила поддержку.

Когда мы говорим о глобализации, необходимо вспоминать об этих взглядах на мир. Все вышеупомянутые мировоззрения, от династии Чжан и позже, были основаны на том допущении, что они объедают весь мир и что все сколько-нибудь значимое в мире уже содержится в их собственной культуре. Оставались одни лишь побежденные варварские племена, ожидающие благословенного вознаграждения культурой правящего народа. Рассматривая эти былые попытки включить весь мир в рамки одной культурной среды, мы вынуждены признать, что усилия эти оказались напрасными, а убеждения — ложными. Каждую из этих культур мы расцениваем как часть общей картины. Их убежденность в том, что они держат в руках ключи к тому, что мы можем назвать «глобальной культурой», была, на наш взгляд, необоснованной. Как же тогда обстоит дело с нашей культурой? И не является ли идея глобального культурного сообщества химерой, лишенной основания?

Ответ может быть таким: «Да, глобальное культурное сообщество кажется недостижимым». Если проанализировать историческое развитие за последние три столетия (или даже за больший срок), то не обнаружится никаких явных следов сближения цивилизаций. Временами наблюдалось сближение между сторонниками разных религиозных или политических воззрений, но за этим так же часто следовали периоды конфронтации. Если мы ограничим перспективу настоящим или очень недавним прошлым, то не сможем с уверенностью сказать, что конфликты между мировоззрениями (с религиозной окраской или без нее) исчезают или становятся менее острыми, чем ранее. В одних регионах мира разногласия могут уменьшаться (обычно вследствие военной победы одной из сторон), но в других ситуация может оказаться противоположной и конфликты — усугубляющимися.

На вопрос: «Является ли глобальное культурное сообщество химерой?» можно ответить и иначе: «Нет, не является». Основанием для такого ответа может послужить то, что взаимное сотрудничество возросло. Это справедливо не только в отношении сотрудничества, упрочившегося вследствие неравных силовых отношений сторон, но и в отношении вполне добровольного сотрудничества, а также добровольной организации схожих институтов и ассоциаций в разных странах и системах культуры. Приведу несколько примеров.

1. Профсоюзы в разных странах и регионах мира развились в важные организации поддержки наемных работников.

2. Системы страхования гарантируют безопасность множеству отдельных граждан в случае болезни, травмы или утраты имущества, и эти системы могут быть или государственными, или основанными на добровольном членстве.

3. Планирование семьи и эффективные для данной цели средства в виде контрацептивов позволяют семьям, особенно женщинам, строить жизнь по собственному выбору в совершенно разном культурном окружении.

4. Разные виды законов или добровольных коллективных соглашений, направленные на уменьшение разрушительного воздействия человеческой деятельности на природу, с давних времен существуют в самых разных формах во всех регионах мира. Причина такого рода мер заключалась скорее в заботе об обеспечении средств существования грядущим поколениям, нежели, как в наши дни, в непосредственной защите окружающей среды, однако результаты оказались сходными.

Эти примеры могут служить аргументами в пользу некоторых общих черт, присущих государствам и индивидам. Все они основаны на ценностях и оценках, и вполне очевидно также, что не все народы и граждане соответствующих государств разделяют эти ценности и оценки. Те же, кто разделяет их, часто приходят к одним и тем же практическим выводам и начинают предпринимать одинаковые действия. Еще более важно то, что они видят в сотрудничестве легкий и удобный путь для достижения общих целей. Такие цели выходят далеко за рамки сходных. Они основаны также и на готовности рассматривать иные народы и личности как равноправные в определенных стремлениях и как претендующие, подобно им самим, на равные доли от плодов общих усилий.

Соглашения и сотрудничество между нациями и этническими группами за последние два столетия возросли и количественно, и качественно. На личностном уровне частыми стали случаи социализации и бракосочетания без учета границ, что, безусловно, частично объясняет взаимосвязи на уровне государств и народов. «Другие» уже не кажутся иными, как было ранее. Данные тенденции незаслуженно остаются в тени противостоящих им национальных тенденций в силу того, что история чаще всего пишется с точки зрения, заданной национальным государством. Поэтому иммиграция мужчин и женщин иных национальностей и браки между гражданами данной нации и мужчинами или женщинами «извне» рассматриваются чаще как проблемы, нежели как вклад в наднациональное понимание. А ведь посредством таких малых шагов и выстраивается транснациональное сообщество.

И вновь история предлагает множество примеров, и особенно красноречива новейшая история Западной Европы. Вплоть до окончания Второй мировой войны для западноевропейских стран были характерны глубокие разногласия, недоверие и конфликты. В конце войны некоторые дальновидные политики осознали необходимость сотрудничества

между бывшими врагами, чтобы исключить возможность возобновления конфликтов. Созданные ими институты (в рамках угольной и металлургической промышленности), хотя и ограниченные, все же давали возможность для весьма широкого сотрудничества в ряде областей. Вскоре стала ощутимой необходимость в расширении такого сотрудничества, и был создан европейский общий рынок, который позднее перерос в то, что ныне стало Европейским Союзом. ЕС взялся за решение многих проблем, которые для его основателей были чуждыми, а сегодня именно здесь наблюдаются значительные транснациональные трансформации.

Другой пример — Индия. Разрозненные провинции британской колонии и несколько полунезависимых государств под властью местных правителей постепенно объединились в одно государство. Этому препятствовали не только противостояние индуизма и ислама, но и вся кастовая система, а также местные различия, которые лишь усилились при британском владычестве. С течением времени под влиянием экономического подъема Индия стала более однородной (или менее неоднородной), хотя все еще сохраняются внутренние различия и будут сохраняться до тех пор, пока на смену им не придут общие ценности и оценки.

То, что произошло в Европе или в Индии, — не «глобализация». Подобное же развитие, которое привлекает меньше внимания, наблюдалось на протяжении последних двух столетий и в других местах. В ретроспективе подобные явления часто характеризуются как «строительство нации», но это опасная терминология. Все попытки упрочить связи и углубить сотрудничество не приводят к созданию всеобщих институций и к общей политике. В таком случае эти попытки считаются провальными с позиции «строительства нации». Однако они могут служить хорошим примером транснациональной истории, когда приобретают значение все виды деятельности, преодолевающие прежние границы.

Транснациональная история, таким образом, важна. В рамках данного понятия можно анализировать историю схожих учреждений и ассоциаций (я это уже сделал применительно к западноевропейской бюрократии, так что хотя бы в этом предмете ориентируюсь хорошо), а также ценностей, тех же самых или разных, которые обеспечили подобие в институциональной структуре. Подобия такого рода не обязательно приводят к сотрудничеству (государственные бюрократические структуры, как правило, не сотрудничают), но они могут формироваться схожим образом, на основе одинакового опыта в качестве источника и со сходными целями. В этом смысле транснациональные культуры все время распространяются, ибо во все времена правители страстно желали улучшить свое правление, в том числе подражая другим народам и их формам правления. (Петр I в России — поразительный пример, но даже те, кто в своих нововведениях не заходил столь далеко, также собирали информацию с данной целью.)

По сравнению с транснациональными решениями, которые включают как сходные пути развития, основанные на сходстве ценностей и оценок, так и

попытки сотрудничества в той или иной сфере, глобальное сотрудничество, подстегиваемое глобальной культурой, в основном все же химера. Формирование транснациональной культуры в различных локальных регионах, приводящее к транснациональному поли-

тическому развитию, уже недалеко, и оно всегда было важным в течение долгого времени. Ныне это важная область исследований прошлого и настоящего. В ней (транснациональной культуре), а не в глобализации, заключен важный потенциал для будущего.